

Александр Горбенко

Металитературоведческая рефлексия в романе-идиллии А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»

Alexander Gorbenko

Metaliterary Reflection in Idyllic Novel *A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps* by A.P. Chudakov

Александр Горбенко (КГПУ им. В.П. Астафьева, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания; Сибирский федеральный университет, доцент кафедры журналистики и литературоведения; кандидат филологических наук) al_gorbenko@mail.ru.

Alexander Gorbenko (PhD in Philology; KSPU named after V.P. Astafiev, Associate Professor; Siberian Federal University, Associate Professor) al_gorbenko@mail.ru.

Ключевые слова: современный русский роман, металитературность, металитературоведческая рефлексия, полемика, аллюзия

Key words: contemporary Russian novel, metaliterary, metaliterary reflection, controversy, allusion

УДК: 82-3

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_313

UDC: 82-3

DOI: 10.53953/08696365_2024_187_3_313

В статье изучается металитературоведческая рефлексия главного героя романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». В ряде эпизодов книги, не принадлежащих к числу ключевых, возникают различными способами «замаскированные» автором полемические аллюзии на идеи и концепции коллег по цеху автора книги — отечественных филологов разных поколений. Реконструкции этих аллюзий и анализу их функций в структуре романа и посвящена данная статья.

The paper studies the meta-literary reflection of the central character of novel-idyll *A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps* by A.P. Chudakov. Using various techniques, the author disguised polemical allusions, which appear in a number of episodes of the book that do not belong to the key episodes, to the ideas and concepts of Russian philologists of different generations — the author's workfellows. The reconstruction of these allusions and the analysis of their functions in the structure of the novel are the matter this article is devoted to.

Приход в художественную словесность отдельных филологов или функционирование в литературном поле авторов, получивших филологическое образование, имеет почтенную традицию, тянущуюся как минимум от формалистов опоязовской ветви. Однако в русской литературе, прежде всего в прозе постсоветской эпохи, возникло целое множество принадлежащих перу профессиональных филологов сочинений, которое с уверенностью можно описать как вполне сложившуюся тенденцию.

Эта тенденция соседствует со смежными. Одна из них — «поворот к нон-фикшен», первая фаза которого прилась на десятилетие с середины 1990-х до середины 2000-х годов и была связана с довольно широким кругом имен от Д.А. Пригова и Л.С. Рубинштейна до М.Л. Гаспарова и А.К. Жолковского [Липовецкий 2008: 572—577]. Исследователи специально выделяют в рамках этого направления «всплеск литературного творчества российских художников» (тот же Пригов, Ю. Лейдерман, П. Пепперштейн и др.) [Плавинская,

Кукулин 2004: 253]. Другая — формирование примерно в этот же период «филологической» поэзии, которую В.И. Новиков описал как тупиковую ветвь русской поэзии: «Nos habebit humus, говорю я, подводя итоги филологического стихотворчества последних десятилетий» [Новиков 2007: 185]. Однако пассаж, итожащий этот абзац и всю статью Новикова, был более оптимистическим: «Но, уходя в землю, в гумус, филологический стих, уверен, послужит добротной почвой для дикорастущей, свежей и смелой “надфилологической” поэзии нового века» [Там же]. Наконец, именно в конце 1990-х годов начинается активная фаза изучения «филологического романа» (совпадающая с процессом создания новых образцов этой жанровой модификации). Ее началом можно считать одноименную статью В.И. Новикова [Новиков 1999], давшую импульс для активного изучения этого феномена в 2000—2010-е годы.

Теперь обрисуем контуры интересующей нас тенденции, необходимые для дальнейшего разговора, и остановимся на нескольких иллюстрирующих ее примерах.

В 2001 году в издательстве «Аграф» был опубликован роман В.И. Новикова (который, как и А.П. Чудаков, о котором по преимуществу речь пойдет ниже, много времени посвятил изучению и комментированию работ опоязовцев). Само название этого романа является отчетливо металитературным¹ — «Роман с языком». Весь «Роман с языком» построен как монолог подводящего «предварительные итоги» своей несчастливой жизни стареющего лингвиста-донжуана, адресованный не названной собеседнице. Металитературный план этого романа охватывает различные уровни его поэтики — от размышлений рассказчика о языке² (и его соотношениях с внеязыковой действительностью³) до автореференциальных пассажей об устройстве «Романа с языком»⁴. В 2007 году в издательстве «Intrada» вышел сборник статей Новикова

-
- 1 Кроме того, в этом заглавии есть необходимая автору двуплановость: оно одновременно является рематическим (по Ж. Женетту), то есть сигнализирующим читателю о том, что текст является романом, и содержит в себе «беллетристический» элемент (соединяющий, в свою очередь, академическую семантику с эротической; этот комплекс, намеченный в заглавии как элемент паратекста, активно реализуется в самом тексте).
 - 2 Ср.: «Сама история жизни Андрея Языкова в романе уходит на второй план, главным героем становится Язык» [Ладохина 2010: 65].
 - 3 Одно из таких рассуждений любопытным образом оказывается почти идентичным месту из романа-идиллии Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», которое будет обсуждаться ниже: «Просто и безотчетно наслаждаться жизнью и женщиной могут только обыкновенные люди, как правило, писать не умеющие. Их внутренний субъективный мир остается неведом литературе и читателям — как внутренний мир, скажем, медведя. Вкус меда никакая словесность, никакой язык передать не в состоянии» (Новиков В. Роман с языком. М.: Зебра Е; АСТ, 2007. С. 24).
 - 4 Приведем обширный пример. После «раздевания Лотмана», предпринятого его молодым приятелем Борисом Смеяновым, обнаружившим ошибки в «Сотворении Карамзина», рассказчик размышляет о том, почему участвующая в этом разговоре «Аня никак не хочет признать объективную правоту» Смеянова: «Для нее Лотман — фигура слишком отвлеченная, заоблачная, доступная только телевизионному созерцанию, словом — практически неинтересная. А мне на какое-то мгновение становится вчуже понятно, как этого утомленного многолетним правдивым писаньем авторитетного и серьезного человека вдруг начинает заносить в неправильное, авантюрное пространство, где все шиворот-навыворот, где даже на вопрос: как тебя

«Роман с литературой», объединивший под своей обложкой историко-литературные и литературно-критические работы автора. В этом же году издательства «Зебра Е» и «АСТ» переиздали «Роман с языком», что усилило «эффект диалогии» этих книг Новикова.

Несколько лет спустя, в 2008 году, вышел дебютный роман А. А. Аствацатурова «Люди в голом», который тоже с полным основанием можно назвать металитературным. Так, одна из его финальных глав начинается с металитературного (или автореференциального, ярко иллюстрирующего вообще чрезмерно радикальный тезис Ж.-Ф. Жаккара о том, что «литература в первую очередь говорит о себе самой» [Жаккар 2011: 11]) рассуждения главного героя-нарратора: «Рассказ мой затянулся. Завяз, забуксовал в ненужных подробностях. Я пытался слепить что-нибудь эпическое и — вот, полюбуйте — снова стал ковыряться, как жук в дерьме. У меня всегда так»⁵. Высокой степенью металитературности, которая выражается в числе прочего в частом использовании диалога рассказчика с читателем, обладал и второй роман Аствацатурова «Скунскамера», вышедший в 2010 году⁶. Металитературный план сохранился и в двух других романах Аствацатурова, продолжающего сочетать литературоведческие штудии с карьерой прозаика, — «Осени в карманах» (2015) и «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019).

Через год после дебютного романа Аствацатурова был напечатан роман Е. Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» (2009), в котором автор, филолог-медиевист, делает повествователя не только рассказчиком истории, но и субъектом иронии по поводу историографического и, шире, академического дискурса. Эта ирония реализуется на самых разных уровнях поэтики — от пространственных рассуждений рассказчика (то пародийных, то пародических, если пользоваться тыняновским различием) и профессионального историка Соловьева⁷ об отечественной истории и специфике историографического дискурса до иронического изображения институционального устройства мира профессиональных историков и массива ссылок (большая часть которых сфальсифицирована автором) и сносок, которыми сопровождается текст романа. Любопытно, что Водолаз-

зовут? — надо придумывать новый ответ... Надоедает говорить правду, пассивно воспроизводить информацию, пусть и малоизвестную. “Факты — воздух ученого”? — Ох, и ученому тоже иной раз хочется открыть форточку и проветрить свою седовласую голову» (Новиков В. Роман с языком. С. 241—242). И далее, после двойного пробела, рассказчик помещает фрагмент, в котором с помощью оценки своего предыдущего рассуждения как «вздора» камуфлирует его напряженную автометаописательность: «Но Смяянову я этого не говорю. Такой вздор только самому себе можно молоть, про себя» (Там же. С. 242).

5 Аствацатуров А. Люди в голом. М.: Ad Marginem, 2009. С. 289.

6 Приведем два примера. Характерно, что оба они открывают главы. 1) Начало главы «Городовой моей души»: «“Ну, вот, Аствацатуров, — заметит язвительный читатель. — Вместо того чтобы писать как следует, связанно рассказывать грустную историю своей жизни, взялся за старое, снова пустился блохой скакать взад-вперед”» (Аствацатуров А. Скунскамера. М.: Ad Marginem, 2011. С. 234). 2) Начало главы «Небольшое отступление»: «Мой опус еще не закончился, дорогие читатели, и вам еще предстоит прочитать про “Операцию № 2”, но я уже снова предвижу недовольные лица критиков» (Там же. С. 274).

7 Релевой жизнетворческой моделью для Соловьева является объект его исторических штудий генерал Ларионов, что делает его метаисторическую рефлексию еще более напряженной. Подробнее о механизмах и сценариях жизнетворчества персонажей «Соловьева и Ларионова» см.: [Горбенко 2019: 84—92].

кин, как и А.П. Чудаков, делает главным героем своего романа не филолога, а историка⁸.

Все эти (мета)романы объединены набором общих черт. 1) В их центре — главный герой, являющийся диегетическим нарратором (по В. Шмиду); исключение составляет Соловьев, чья фигура существует только в плане диегезиса, и отчасти чудаковский Стремоухов, который существует в обоих этих режимах попеременно⁹. 2) Все эти герои — ученые-гуманитарии: историки Соловьев и Стремоухов, литературовед Аствацатуров, лингвист Языков (у Новикова). 3) Третья особенность, тесно связанная с двумя предыдущими, состоит в том, что все эти, по преимуществу диегетические, нарраторы являются несомненными романскими альтер эго «конкретных авторов» [Шмид 2008: 46] (с безусловной, в каждом случае своей дистанцией, отделяющей их от их создателей). 4) Все обсуждаемые романы в достаточно высокой степени металитературны (что объясняется, помимо всего прочего, изначальной сферой профессиональных занятий авторов)¹⁰. При этом все они в разной степени соответствуют критерию, выдвинутому В.Б. Зусевой-Озкан, согласно которой «[р]оман становится метароманом лишь в том случае, если произведение обсуждается как целое, как особый мир (Здесь и далее курсивы принадлежат цитируемым авторам. — А.Г.)» внутри него самого [Зусева-Озкан 2014: 33].

Однако проза филолога (в нашем случае — литературоведа, историка литературы) может порождать и иную разновидность метатекстуальности¹¹, уже не тот «пласт, в котором, — согласно классическому лаконичному определению Ю.М. Лотмана, — объектом изображения становится само литературное изображение» [Лотман 1995: 434]. На страницах фикциональной прозы концептуально мыслящий ученый получает возможность выражать свое отношение к построениям коллег по цеху не напрямую, как конкретный автор, а опосредованно, как это и происходит в произведении искусства¹². Таковую версию метатекстуальности мы будем называть металитературоведческой рефлексией или металитературоведческим планом.

Сходным образом обстоит дело, например, в романе Водолазкина «Авиатор» (2016), в котором автор скрыто полемизирует с теоретическими идеями

- 8 Отчасти это можно объяснить тем, что историк вообще стал одной из доминирующих фигур русских романов 2000—2010-х годов, на что уже неоднократно обращалось внимание (см., например: [Эткинд 2016: 285]). Помимо уже упомянутых книг Чудакова и Водолазкина достаточно вспомнить столь несходные романы, как «Оправдание» Д. Быкова (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов), «Журавли и карлики» Л. Юзефовича, «Каменный мост» А. Терехова или романы В. Шарова.
- 9 О смене точек зрения в романе, где главный герой Антон (объект повествования) регулярно оказывается носителем функции повествователя, писало, пожалуй, большинство исследователей книги (см., например: [Булкина 2012: 200; Жолковский 2002; Лапушин 2009: 388—389; Немзер 2002: 245; Паперный 2005: 213]).
- 10 Ср. перечень ключевых черт «филологического романа» [Ладохина 2010: 51—52], часть которых сформулирована так, что едва ли поддается однозначному истолкованию (например, О.Ф. Ладохина утверждает, что автор такого романа «создает атмосферу импровизации, тем самым приглашая читателя к процессу со-творчества» или «широко раздвигает границы произведения» [Там же: 52]).
- 11 Правда, в некоторых случаях металитературоведческий элемент может при этом не принадлежать к металитературному плану; подробнее об этом см. ниже.
- 12 Ср. подход, который предлагает В.Б. Зусева-Озкан, опирающаяся на другую, по преимуществу французскую, нарратологическую традицию и допускающая, к примеру, существование такой инстанции, как «автор-персонаж» [Зусева-Озкан 2014].

раннего В. Б. Шкловского, прежде всего с ключевой из них — идеей остранения¹³. Этот пример демонстрирует, что возможны случаи, когда металитературоведческий компонент может не быть при этом металитературным: в указанном случае Водолазкин ведет полемику с концепцией Шкловского, не прибегая к помощи элементов металитературного арсенала.

Схожий, но менее явно выраженный металитературоведческий план обнаруживается и в книге «Ложится мгла на старые ступени», оставшейся единственным масштабным художественным сочинением выдающегося историка русской литературы XIX в. А. П. Чудакова, публикатора и комментатора научного наследия своих «заочных» и реальных учителей (Ю. Н. Тынянова, В. В. Виноградова, С. М. Бонди и др.) и внимательного мемуариста, одного из хроникеров напряженной жизни, которой жила отечественная филология советского времени.

Мы называем инкорпорированные в текст романа аллюзии на литературоведческие построения коллег автора книги металитературоведческой рефлексией, несмотря на то что ее главный герой историк, а не филолог¹⁴, именно потому, что, как будет показано ниже, эти аллюзии должны быть отнесены прежде всего к сфере авторской интенции, которая, в числе прочего, определяет и сферу сознания героя. Кроме того, Антон Стремоухов, как уже говорилось выше, а до этого неоднократно отмечалось нашими предшественниками, является более чем прозрачным романым альтер эго автора¹⁵.

13 Нам уже приходилось достаточно подробно писать об этом, см.: [Горбенко 2019: 93–94].

14 Правда, уже в университете герой со смущением обнаруживает в себе филологические наклонности: «...больше всего Антону нравились занятия — это смущало, — которые проходили не на истфаке, а у филологов...» (Чудаков А. П. *Ложится мгла на старые ступени*: Роман-идиллия. 5-е изд., стер. М.: Время, 2012. С. 393. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера страницы). Однако «[в] филологи Антон явно не годился» по причине склонности к эмпатии, мешающей занять позицию «внеаходимости»: «На спектакле Марсея Марсо в клубе МГУ, когда великий мим стал изображать дуэль Пушкина, Антон опустил голову и на сцену не смотрел, а потом выскочил из зала», не в силах смотреть, как «[н]а твоих глазах убивают Пушкина» (с. 404). Ср. дневниковую запись А. П. Чудакова от 12 февраля 2005 года, где он приводит слова Т. Н. Толстой, которая на творческом вечере в Гамбургском университете «сказала о вечной печали по России до 1917 г. и смерти Пушкина. Я горячо поддержал; сказав, что к ней можно применить слова Розанова о Лермонтове — “вечно печальная дуэль”. Дуня Смирнова плачет, когда о дуэли заходит речь. Не удивляюсь, я почти тоже. Рассказал им, как не мог досидеть эту сцену в показе мима Марсея Марсо: на твоих глазах убивают Пушкина!..» (с. 592). Отметим здесь попутно, что чуждость Антону филологической работы по причине его излишней для таковой чувствительности иллюстрируется именно «пушкинским» примером. Ср. в последней главе романа, где нарратор сообщает о переживании Антоном смерти Пушкина, встроенном во вполне привычную для русской культуры христологическую перспективу: «С какого-то времени он (Антон. — А. Г.) начал переживать смерть Пушкина как личное горе, свой день рождения, совпадающий с датой его смерти, праздновать перестал, потому что почти заболел в этот день и нисколько не удивлялся явлению стигматов — когда в день распятия Христа у некоторых людей появляются кровоточащие раны на запястьях и ступнях» (с. 486).

15 По мнению М. Балиной, «роман Чудакова — это автофикция (autofiction), построенная на основе реальных событий, отфильтрованных в памяти с восторженной точки зрения ребенка» [Balina 2018: 199]. Кроме того, исследовательница отмечает «нефикциональный характер» прозы Чудакова и считает, что акцент на «автобиографическом характере» «Ложится мгла на старые ступени» был усилен в издании 2012 года, где роман сопровождается выдержками из эго-документов автора [Ibid.: 196].

В 22-й главе романа Чудакова, носящей название «Озеро», есть эпизод, в котором Антон вспоминает, как однажды ехал в Москву на 92-м поезде. Его попутчиком оказался «энергичный мужчина лет тридцати пяти, назвавшийся: Леонид Корнилов, поэт» (с. 237). Корнилов говорил о литературе, «поражая Антона смелостью суждений». Одно из «смелых суждений» Корнилова носило «пушкинистский» характер: «Пушкин же исписался! Думаешь, почему он перешел на прозу? Стихи уже не шли. И вообще фигура его преувеличена. Все, кто твердят: великий, гениальный, забыли, как он вышел в гении, не читали его со школы» (там же).

Уже то, как Корнилов аттестует себя, недвусмысленно сигнализирует о том, что он фигура откровенно пародийная. Помимо всего прочего, он вручает Антону газеты со своими стихотворениями, из названий которых становится известно, что «печатался он в городах, через которые проходил 92-й» (с. 238). Много лет спустя Антон, градус сакрализованности отношения которого к Пушкину с возрастом не ослабевает, захочет доказать попутчику его неправоту. «Но Пушкин остался неотмщенным — имя Леонида Корнилова в центральной прессе Антону не попало ни разу» (Там же).

Как кажется, в этой главе Чудаков-пушкинист ведет скрытую, замаскированную пародийной фигурой поэта-графомана Корнилова, полемику с одним из своих коллег по литературоведческому цеху. Роман «Ложитесь мгла на старые ступени» был закончен в 2001 году. В этом же году вышла быстро ставшая знаменитой книга А.И. Рейтבלата «Как Пушкин вышел в гении». Смысловым центром этой книги, написанной в методологическом русле исторической социологии литературы, стала одноименная статья [Рейтблат 2001], которая была посвящена скрупулезному исследованию механизмов формирования прижизненной литературной репутации Пушкина как «гения». Словосочетание «как Пушкин вышел в гении» затруднительно счесть чем-либо иным, кроме сигнала означенной полемики, уже хотя бы потому, что оно, насколько нам удалось установить, не фиксируется ни в каких источниках, помимо работы Рейтבלата (а затем и романа-идиллии Чудакова). Например, Национальный корпус русского языка фиксирует только одно вхождение этой конструкции — в беседе В. Стельмах с И. Николаевой, в самом начале которой упоминается книга Рейтבלата¹⁶.

Кроме того, наше предположение может поддерживаться еще одним, хотя и, разумеется, косвенным обстоятельством — тем, что в журнальном варианте книги Чудакова, вышедшем в журнале «Знамя» в 2000 году, то есть до публикации книги Рейтבלата, отсутствовал ряд вошедших в отдельное издание романа глав, к числу которых принадлежит и глава «Озеро».

Книга А.И. Рейтבלата (и в первую очередь как раз ее заглавная статья) вызвала болезненную реакцию как консервативно, так и традиционалистски (если следовать различению, предложенному К. Манхеймом [Манхейм 1994: 593—597]) настроенной части российского филологического сообщества. Так, историк литературы А.С. Немзер, в 1990—2000-е годы сосредоточивший свои усилия на литературной критике, утверждал в довольно резкой рецензии, что «в гении вообще “не выходят”», и заключал, что «[з]аглавный очерк книги Рейтבלата удивляет сочетанием тривиальности ... и предвзятости» [Немзер

16 Стельмах В. Кафедра жизни. Беседа с Ириной Николаевой // Октябрь. 2001. № 11. С. 146—153.

2003: 511]¹⁷. Чудаков же, если наша реконструкция верна, выбрал иной, более изощренный способ полемики с построениями Рейтблата¹⁸.

Другое металитературоведческое место в «Ложится мгла на старые ступени» тоже связано с Пушкиным. В последней, 38-й главе книги Антон говорит своему другу Юрику Ганецкому во время одного из их частых споров по гуманитарным вопросам: «А великий поэт? Он сам потрудился себя записать, да как! Внутренний мир Пушкина я знаю лучше, чем твой, хотя слушаю твое глаголение чуть не ежедневно уже пятнадцать лет» (с. 491).

По всей вероятности, слова Антона отсылают к знаменитому вопросу-рассуждению М.Л. Гаспарова¹⁹, содержащемуся в статье «Филология как нравственность»: «...между мною и самым интимным моим другом лежит бесконечная толща взаимонепонимания; можем ли мы после этого считать, что мы понимаем Пушкина лучше, чем собаку Каштанку?» [Гаспаров 2012: 149]. В «Записях и выписках»²⁰ (в корпус которых, напомним, включена и «Филология как нравственность», и которые, по мнению Н.Л. Елисеева, стали одним из адресатов полемики в романе «Ложится мгла на старые ступени» [Елисеев 2002]) Гаспаров варьирует это рассуждение так:

Когда мы читаем старые «Разговоры в царстве мертвых» — Цезарь со Святославом, Гораций с Кантемиром, — мы улыбаемся. Но когда мы сами себе придумываем разговор с Пушкиным или Горацием, то относимся к этому (увы) серьезно. Мы не хотим признаться себе, что душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки²¹.

Заметим, что этот тезис, ставший впоследствии одним из излюбленных положений Гаспарова, он впервые высказал существенно раньше — в письме

17 Вообще говоря, схожие реакции на книгу Рейтблата продолжали появляться на протяжении всех двадцати лет, прошедших со времени ее выхода. Ограничимся одним малоизвестным, но крайне показательным примером, взятым из объемной 35-страничной коллективной работы под названием «Комментарии к тексту А.И. Рейтблата «Как Пушкин вышел в гении (о литературной репутации Пушкина)»», большая часть которой осталась без подписи. Авторы «комментариев», стараясь опровергнуть один за другим аргументы Рейтблата, в конечном итоге, характерным образом апеллируя к категории убедительности, приходят к выводу: «Что касается содержания провокационной главы «Как Пушкин вышел в гении», мы бы рекомендовали очень осторожно относиться к мнению А.И. Рейтблата при представлении его студентам. Аргументы о том, что Пушкин *вышел в гении* благодаря продуманной технологии, нас не убедили. Талант Пушкина для нас очевиден, он родился гениальным, а не *вышел в гении*, как считает Рейтблат» ([Б.а.] Комментарии к тексту А.И. Рейтблата «Как Пушкин вышел в гении (о литературной репутации Пушкина)» // Проходит время — одно лишь слово остается: сборник науч.-метод. материалов ко дню основания кафедры литературы / Под ред. А.С. Черноусовой. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2018. С. 53).

18 В этой связи любопытно сравнить отзыв Немзера на книгу Рейтблата и его же апологетическую рецензию на «Ложится мгла на старые ступени». См.: [Немзер 2002].

19 Любопытно, что Гаспаров (две последние книги которого, «Записи и выписки» и «Экспериментальные переводы», были, «по его формуле, “творческими”» [Дубин 2006: 307]), в отличие от Чудакова, Новикова, Водолазкина или Аствацатурова, не пробовал себя на поприще романиста. Однако в «Записях и выписках» он, по верному замечанию Б.В. Дубина, предпринял попытку «пародирования всей литературы, а в первую очередь — романа и мемуаров» [Там же: 307, 308].

20 Статья «Критика как самоцель».

21 Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 215.

к А.К. Жолковскому, предположительно датированном самим адресатом 1975 годом, читаем: «А читать в душе у Дон-Гуана или у Пушкина — это простительно Ахматовой, но не нам»²².

В посвященном Гаспарову эссе «Что он для меня значил», начинающемся с цитированного фрагмента статьи «Филология как нравственность», М.И. Шапир приводит фрагмент из «Добавлений и замечаний к наброску “Методологии точного литературоведения”» Б.И. Ярхо: «Скелет данной собачки Жучки столь же неповторим, как “Божественная комедия”...»²³ — и комментирует его так: «В словах о “скелете собачки Жучки”, который столь же неповторим, как “Божественная комедия” Данте, мне видится прямая параллель с гаспаровским афоризмом про Пушкина, который нам не более понятен, чем “собака Каштанка”»²⁴. Развивая эту мысль, Шапир отмечает принципиальное расхождение в логике Ярхо и Гаспарова (который, как известно, говорил о себе как об «эпигоне» Ярхо²⁵): «У Ярхо это одна из бесчисленных аналогий между природным (биологическим) и культурным: он говорит о некоем реальном четвероногом. А у Гаспарова — это всего лишь риторическое лукавство: Каштанка —

22 «Знакомых мертвецов живые разговоры...»: Семь писем М.Л. Гаспарова / Публ. и коммент. А.К. Жолковского // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 287. Комментируя это критическое по отношению к пушкинистским штудиям А.А. Ахматовой суждение, Жолковский называет его «[л]юбим[ой] структуралистск[ой] мысль[ю] МЛ (М.Л. Гаспарова. — А.Г.), принципиально — и, боюсь, чрезмерно — самоограничительн[ой]». «К счастью, — добавляет Жолковский, — он не всегда следовал своему <у> ригоризму, охотно читая, например, в душе Бахтина...» (Там же). В качестве примера «чтения в душе Бахтина» Жолковский приводит выдержку из более позднего (от 14 июня 1992 года) письма к нему автора «Филологии как нравственности»: «Кто-то в разговоре сказал: “А ведь Бахтин был одним из самых авторитарных писателей”. Не помню, был ли собеседник знаком с ним или судил по его сочинениям; по сочинениям и я чувствовал в его мысли постоянно подразумеваемое: “а если факты это недостаточно подтверждают, то тем хуже для фактов”» (Там же. С. 312). Однако этот пример едва ли можно считать иллюстрацией нарушения Гаспаровым его ригористического принципа. Этому мешает оговорка Гаспарова («я чувствовал в его мысли»), тогда как «чтение в душе» осуществляется, как правило, с помощью «[б]езоговорочно[го] употреблени[я] глаголов внутренних процессов», которое, хотя и «может встретиться и в фактуальных текстах, причем подразумевается чистое предположение со стороны автора или наличие источника его знания», все же является одним из конститутивных признаков художественного повествования [Шмид 2008: 34].

23 *Шапир М.И.* Что он для меня значил // Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова (8 декабря 2005 г.): Сб. материалов / Отв. ред. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 60. Цитируемый текст см.: [Ярхо 2006: 361 (2-й пагинации)].

24 Там же. С. 61.

25 Такая самохарактеристика содержалась в его письме к Н.В. Брагинской от 21 августа 1984 года: «...я его (Б.И. Ярхо. — А.Г.) эпигон, вполне в том сознателен (сам смеюсь про себя, когда в разговоре говорю цитатами из него...), и стараюсь только об одном — чтобы не скомпрометировать такой оригинал таким списком» (Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова / Сост. Е. Шумилова. М.: Новое издательство, 2008. С. 29). Позднее Гаспаров воспроизвел эту автохарактеристику во входящем в «Записи и выписки» эссе «Семиотика: взгляд из угла» (*Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 319). Как кажется, такое риторическое самоуничижение было частью автоматифотворческой стратегии, которой старательно придерживался Гаспаров.

литературный персонаж и как таковой благодаря Чехову, уж конечно, нам понятнее Пушкина»²⁶.

Вопрос о том, чей внутренний мир более понятен внешнему наблюдателю, объединивший трех выдающихся отечественных приверженцев «точного литературоведения» разных поколений Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспарова, М.И. Шапира, решался по-разному.

У Гаспарова внутренние миры «самого интимного друга», Каштанки и Пушкина (а также прибавившегося к ним «древнего ассирийца») оказываются одинаково непрозрачными. Такой «филологический агностицизм» или, по словам А.Л. Зорина, «радикальный гносеологический пессимизм» [Зорин 2006: 299], как хорошо известно, был одним из фундаментальных компонентов гаспаровского подхода. С наибольшей степенью вообще присущей ученому отточенной афористичности суть этого подхода была выражена, пожалуй, в научно-популярной статье «Филология как нравственность», первоначальный вариант которой к тому же носил полемический характер²⁷.

Рассуждение Шапира менее пессимистично и более отвечает выработанным в нарратологии за последние полвека представлениям о «прозрачности сознания» [Cohn 1978], предельная степень которого достижима именно в художественной прозе [Шмид 2017]: внутренний мир Каштанки для наблюдателя понятнее мира Пушкина, поскольку первый, в отличие от второго, вымышлен и исчерпан границами обнимающего его художественного мира.

Для Антона Стремоухова внутренний мир Пушкина оказывается более знакомым, нежели внутренний мир близкого друга. Такое положение вещей в романе поддерживается другим диалогом, произошедшим между Антоном и Юриком сотней страниц раньше и вновь подчеркивающим «нарративный» склад ума историка Стремоухова. Во время этой беседы Ганецкий ставит своему другу такой «диагноз»: «Да какой из тебя историк! Вся твоя ментальность — другая абсолютно. Я не видел человека, который бы так по уши был погружен в слово. Ты и историю-то представляешь как словесный поток»; на что Антон вполне в духе построений Хейдена Уайта (чья «Метаистория» [Уайт 2002] была опубликована в 1973 году, то есть вскоре после времени, на которое пришлось студенчество Антона) и его последователей, хотя и совершенно независимо от них, отвечает: «А есть иная?» (с. 397).

Предпоследний абзац первоначальной версии статьи Гаспарова «Филология как нравственность», опубликованной в «Литературном обозрении» в 1979 году, оканчивается такими словами:

Было сказано, что в картинах Рубенса мы ценим не только его трудов, но и трудов всех тех бесчисленных художников, которые не вышли в Рубенсы. Помнить об

26 Шапир М.И. Что он для меня значил. С. 61.

27 Первоначальная версия гаспаровской статьи была написана в 1979 году в качестве реплики в дискуссии, инициированной «Литературным обозрением», и была полемически направлена против литературоведов, работавших в глубоко чуждом Гаспарову методологическом русле, в первую очередь против В.В. Кожина. При переиздании статьи Гаспаров, по точному выражению М. Вахтеля, «затушевал следы полемики с ним» и вообще ослабил полемическую ноту [Вахтель 2017: 473]. Подробнее о контексте первоначальной версии гаспаровской статьи см.: [Там же: 462—480]; републикация ее текста: [Там же: 481—485].

этом — нравственный долг каждого, а филолога — в первую очередь [Вахтель 2017: 485].

Нам неизвестно, ориентировался ли на гаспаровские слова о «художниках, которые не вышли в Рубенсы» Рейтблат, создавая свою формулу «Как Пушкин вышел в гении». Во всяком случае, эта связь никак не эксплицирована Рейтблатом: ни в статье «Как Пушкин вышел в гении», ни во всей книге, которой дала заглавие эта статья, имя Гаспарова не упомянуто. Однако, вне зависимости от того, была ли здесь осознанная ориентация, бессознательная опора или случайная перекличка, перед нами любопытное обстоятельство: заглавная формула Рейтבלата, с которой устами своего героя полемизирует Чудаков, отчасти восходит к словам из статьи Гаспарова (или невольно перекликается с ними), идеи которого стали еще одним объектом полемики в романе Чудакова.

Очередное металитературоведческое место возникает в 30-й главе книги Чудакова, когда Антон, беседуя с шахматистом и «страстным книголюбом» (с. 44) Егорычевым, замечает:

Когда читаешь подряд русские газеты конца века, берет тоска и зависть. Казань, Нижний Новгород, Киев по интеллектуальному уровню не уступали столицам. Полистайте «Казанский телеграф» или «Одесские новости». То, что сделали с провинциальными культурными гнездами, — одно из тягчайших преступлений большевиков (с. 369).

Вероятно, это рассуждение о богатстве и пестроте культурного ландшафта Российской империи, увиденное на контрасте с советским положением дел, отчасти инспирировано опытом самого А.П. Чудакова, который в поиске откликов на чеховские произведения фронтально штудировал дореволюционную периодику. В очерке «Учусь у Виноградова» Чудаков писал об этом так:

Слова ВВ (В.В. Виноградова, — А.Г.), что он прочел все журналы первой трети XIX в., продолжали сильно меня волновать. Очевидно, не без их влияния мне захотелось сделать что-нибудь такое же. Я решил тоже просмотреть все русские журналы и газеты 1883—1904 годов, собрав всё, что писали о Чехове²⁸.

В следующей главе Чудаков помещает почти идентичное рассуждение о «культурных гнездах», принадлежащее уже рассказчику:

Старший преподаватель Тотлебен (его готовую диссертацию еще до войны сняли с защиты за мелкость темы) читал спецкурс о российских культурных гнездах, которых, оказывается, было множество — самарское, казанское, иркутское, тифлисское, самаркандское, минское... Каждое занималось статистикой, изучало локальную историю, этнографию, местные наречия и фольклор, имело прекрасно

28 Чудаков А.П. Учусь у Виноградова // Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения / Ред. Е.А. Тоддес. М.: Книжная палата, 1998. С. 863. Подробнее об этом проекте, растянувшемся на несколько десятилетий, см.: [Горячева 2007; 2022]. (Любопытно, что название очерка [Горячева 2007] построено по «чудаковской модели» — «Работаю с А.П. Чудаковым».) Результаты этого многолетнего и чрезвычайно кропотливого труда увидели свет уже после смерти ученого. См.: Чудаков А.П. А.П. Чехов в прижизненной критике. 1882—1904. Библиографическая монография-указатель. Т. 1. М.: Театральный музей им. А.А. Бакрушина, 2022.

поставленную газету, не уступавшую столичным. Материал этот — золотое дно! — совершенно не изучен» (с. 393).

В обоих этих рассуждениях об утраченных интеллектуальных центрах, находившихся за пределами ядра Российской империи, почти дословно воспроизводится центральная категория книги Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда», прочно вошедшей в обиход регионалистских исследований (хотя ее рецепция и сопровождается, как правило, продуктивной критикой и рядом уточнений; чудаковская рецепция тоже окрашена полемически, о чем пойдет речь ниже).

Пиксановская концепция «областных культурных гнезд» была создана во второй половине 1920-х, а излагающая ее книга успела выйти в 1928 году, под самый занавес относительно свободного периода развития русской науки о литературе, закончившегося на рубеже 1920—1930-х годов. Суть же этой концепции состояла в принципе «топографическ[ой] дифференциаци[и] культуры», который, начиная с «различения[я] двух столичных гнезд» русской литературы [Пиксанов 1928: 18] (находившихся между собою в отношениях «[с]оучастия[я] или соперничеств[а] в созидании культуры»), должен быть затем применен и к периферии Российской империи [Там же: 17]. Такие «гнезда», согласно логике Пиксанова, служат «поставщиками» выпестованных в них талантов столице [Там же: 30] (старшее поколение сибирских областников называло такое положение дел «абсентеизмом»). В этом смысле судьба Антона Стремоухова отчасти воспроизводит такой сценарий: одаренный юноша уезжает из провинциального Чебачинска в Москву и остается там, — с той разницей, что Антона нельзя назвать в полном смысле слова «местным», поскольку он, хотя и родился в Северном Казахстане, был сыном родителей, которые добровольно уехали из Москвы накануне Большого террора, не дожидаясь возможных репрессий:

...тут отец сделал, как говорила мама, второй умный шаг в своей жизни (первый, понятно, был — женитьба на ней) — уехал из Москвы. Тогда говорили: НКВД найдёт везде. Отец понял: не найдёт. Не будут искать. Не смогут — слишком много дел в столице. И — исчез из поля зрения. Много раз говорил потом, что не может до сих пор взять в толк, как люди, вокруг которых уже пустота, уже замели начальников, заместителей, родственников, — почему они сидели и ждали, когда возьмут их, ждали, будучи жителями необъятной страны?... (с. 44).

В этом смысле стоит скорее говорить не об «абсентеистском» отъезде в столицу. Напротив, герой возвращается в Москву, обогатившись опытом жизни в суровых краях, и тем самым как бы компенсирует положение своих родителей, оставшихся в Чебачинске.

Вполне возможно, что сумма этих обстоятельств сделала построения Пиксанова особенно привлекательными для потомка ссыльных А. П. Чудакова, будучи одновременно важной точкой для полемики по поводу места «культурного гнезда» в сложно устроенной системе имперского разнообразия, соотношений «культурного гнезда» и столицы. Тем более что эта концепция нашла свой отклик в романе, являющемся «робинзонадой» о жизни семьи Саввиных-Стремоуховых. Эта семья соединила в себе духовенство с дворянством и неустанными ежедневными усилиями сумела сохранить «старую» культуру. Напряжение между, казалось бы, совсем не идиллическими условиями

жизни стоящей в центре книги семьи и той продуктивной ностальгией, которая служит импульсом сохранения и воспроизведения дореволюционного вещного мира, вынесенных из семейного прошлого интеллектуальных привычек и этических установок, делает жанровую автохарактеристику «роман-идиллия» оправданной и точной. Иными словами, чудаковская «идиллия» посвящена истории «культурного гнезда» в масштабе, уменьшившемся от «областного» до «семейного» по причине многочисленных исторических катаклизмов XX века, большая часть которых напрямую коснулась семьи главного героя. В этом смысле метафора семьи как автономного и самодостаточного гнезда обретает в романе Чудакова еще один, маркированный историко-литературной «краской» обертон.

Чудаковский роман-идиллию «Ложится мгла на старые ступени» неоднократно пробовали описать как своего рода побочный продукт историко-литературных занятий автора²⁹. Такая концептуализация книги существенно спрямляет углы, однако в целом тезис о глубинной связи академического и художественного дискурсов в случае автора «Поэтики Чехова» является и бесспорным, и продуктивным³⁰, позволяя в числе прочего проследить вероятные истоки металитературоведческого плана романа-идиллии. Можно предположить, что одним из таких источников стал важнейший элемент поэтики и прагматики русской литературы XIX века, которую внимательно изучал Чудаков. Наиболее отчетливо этот элемент описал Г.С. Морсон, пронизательно и справедливо утверждавший, что русская литература на протяжении существенной части XIX столетия осознала и создавалась ее творцами как «неправильная» по сравнению с «нормальными» западноевропейскими литературами, формируясь как антитрадиция по отношению к ним. По его словам, «облик дореволюционной истории русской литературы можно описать как восходящую спираль все более экстенсивных нарушений “западных” эстетических норм и все более крайних определений литературы как антилитературы или металитературы» [Morson 1986: 25].

Одним из центральных примеров, фундирующих построения Морсона, стал широко известный фрагмент статьи Л.Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» (1868), содержащий ответ на вопрос «Что такое Война и Мир?»: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника»³¹. Начав с этого апофатического определения, Толстой переходит к катафатической части своего рассуждения:

Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много

29 Например, по мнению Н.А. Богомолова, в книге Чудакова «авторское сознание словно отодвинуто на задний план. Всякому читателю очевидно, что доминантой всего примечательного текста является предметный мир — то самое, что стало предметом (приносим извинения за тавтологию) преимущественных литературоведческих интересов самого автора» [Богомолов 2009: 38].

30 В более широкой перспективе о синтезе в «Ложится мгла на старые ступени» элементов фикшен и нон-фикшен см.: [Горбенко, Чекушин 2019].

31 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1928—1958. Т. 16. С. 7.

примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от «Мертвых Душ» Гоголя и до «Мертвого Дома» Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести³².

Чудаков разделял такой «толстовско-морсоновский» взгляд на специфику эволюции русской литературы. В одной из своих научных работ, не ссылаясь на приведенные слова Толстого (отсутствие ссылки, по всей видимости, свидетельствует о глубинном согласии с этим точным в историко-литературном отношении толстовским наблюдением), он писал: «...как известно, ни одно из вершинных достижений русской литературы XIX века не укладывается в традиционные жанровые рамки» [Чудаков 1990: 221].

Кроме того, в последние годы своей жизни, совпавшие со временем написания большей части романа³³, Чудаков был увлечен проектом «тотального комментария» к пушкинскому «Евгению Онегину»³⁴, ставшему, как хорошо известно, одним из парадигмальных в отечественной словесности металитературных сочинений³⁵.

В своем единственном романе А. П. Чудаков, предварительно ослабив тождество между собой и Антоном (наделив героя другим именем³⁶ и направив его на смежную гуманитарную стезю историка³⁷), делает его фигуру инструментом завалированной литературоведческой полемики с коллегами-современниками (в случае с А. И. Рейтблатом и М. Л. Гаспаровым) или, как в случае с Н. К. Пиксановым, предшественниками³⁸. Инспирированные авторской волей главный герой Антон и нарратор (периодически сливающиеся в одну инстанцию) полемизируют с довольно широким кругом литературоведческих идей и историко-культурных построений — от изложенной в конце 1920-х годов концепции «областных культурных гнезд» Н. К. Пиксанова до синхронных со временем расцвета и поздней фазы научной карьеры Чудакова пессимистических идей М. Л. Гаспарова о полной непроницаемости внутреннего мира Дру-

32 Там же. Морсон комментирует этот фрагмент так: «Несомненно, Толстой преувеличивал, настаивая на том, что *каждое* крупное произведение русской литературы уникально; но это преувеличение само по себе может рассматриваться как характерное и продуктивное для описываемой традиции» [Morson 1986: 25–26].

33 Работу над романом Чудаков датировал так: «1987, 1997–2001» (с. 500).

34 См.: [Чудаков 2004; 2005]. Вспомним также, что Антон Стремоухов читает «сери[ю] лекций», которая «посвящалась историческим реалиям “Евгения Онегина”» (с. 403).

35 См. в связи с этим, например: [Morson 1986; Лотман 1995; Жаккар 2011; Тодд 2020].

36 Однако и здесь не обошлось без (мета)литературоведческого «упражнения». А. К. Жолковский обратил внимание на то, что Чудаков, имевший «соблазнительно чеховски[е]» инициалы (АПЧ), назвал своего протагониста Антон Петрович. «Ну, а поскольку автор — Александр Павлович, то, если махнутья именами-отчествами (где Петр, там и Павел), получается Антон Палыч» [Жолковский 2002].

37 Ср.: «...думаю, что ход этот нужен был прежде всего для внешнего расподобления автора и героя...» [Немзер 2005: 235]. Ср. также: [Полупанова 2019: 348].

38 В. И. Новиков замечает, что «в отличие от “просто поэзии” ее (“филологическую поэзию”. — А. Г.) нельзя понимать отчасти» [Новиков 2007: 172]. В этом смысле с романом Чудакова дело обстоит иначе: не искушенный в нюансах научных идей и концепций читатель вполне в состоянии «интуитивно» понять (пускай и не без существенных семантических потерь), что означает фраза «Как Пушкин вышел в гении» или конструкция «культурное гнездо».

гого и предпринятой А.И. Рейтблатом социологической реконструкции механизмов литературного успеха А.С. Пушкина.

С этими проанализированными в статье металитературоведческими элементами соседствуют и другие, носящие уже автореференциальный характер. Речь идет о целой сети аллюзий, связывающей роман-идиллию Чудакова с его же биографией А.П. Чехова³⁹, а также об одной из ключевых особенностей поэтики романа, коррелирующей с важнейшей научной идеей Чудакова, верившего, «что в будущем возникнет новая отрасль науки — ресология» [Ахметшин 2007: 580], — тщательное конструирование вещного мира, заставляющее рассматривать роман Чудакова в перспективе его же идей о неотобранности нарративного материала, «случайности» и неиерархичности как доминантах художественного мира Чехова⁴⁰.

Этот сложно устроенный комплекс обеспечивает книге А.П. Чудакова важный для всей ее структуры металитературоведческий план, который делает «Ложится мгла на старые ступени» одновременно и напряженно «интимным», ностальгически-исповедальным романом-идиллией, и экспериментальным текстом. Этот текст балансирует не просто на грани фикшен и нон-фикшен, но на грани художественного, романного письма и полигона для научной (иногда полемической по отношению к коллегам по цеху) рефлексии, зачастую — рефлексии и «апробации» внутри другого, ненаучного дискурса собственных научных идей.

Библиография / References

- [Ахметшин 2007] — *Ахметшин Р.Б.* Александр Павлович Чудаков // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания / Отв. ред. А.П. Чудаков. М.: Наука, 2007. С. 577—581.
- (*Ahmetshin R.B.* Aleksandr Pavlovich Chudakov // *Chehoviana. Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniya* / Ed. by A.P. Chudakov. Moscow, 2007. P. 577—581.)
- [Богомолов 2009] — *Богомолов Н.А.* Две лекции по истории современной литературы. М.: Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.
- (*Bogomolov N.A.* Dve lektzii po istorii sovremennoy literatury. Moscow, 2009.)
- [Булкина 2012] — *Булкина И.* История внука века // Знамя. 2012. № 8. С. 198—201.
- (*Bulkina I.* Istoriya vnuka veka // *Znamya*. 2012. No. 8. P. 198—201.)
- [Вахтель 2017] — *Вахтель М.* «Филология как нравственность» в историческом контексте // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 462—485.
- (*Wachtel M.* "Filologiya kak npravstvennost'" v istoricheskom kontekste // M.L. Gasparov. O nem. Dlya nego: Stat'i i materialy / Comp., forew. by M. Akimova, M. Tarlinskaya. Moscow, 2017. P. 462—485.)
- [Гаспаров 2012] — *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность // Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. М.: Форумна ЭЛ, 2012. С. 142—152.
- (*Gasparov M.L.* Filologiya kak npravstvennost' // Gasparov M.L. Filologiya kak npravstvennost'. Moscow, 2012. P. 142—152.)

39 Специально об этом см.: [Морозова 2022].

40 См.: [Чудаков 1971]. Ср.: [Долинин 2005: 204; Немзер 2005: 235; Паперный 2005: 213; Чумаков 2005: 227; Ахметшин 2007: 580]. Ср. также: [Степанов 2009: 400—401].

- [Горбенко 2019] — *Горбенко А.* Воскрешение и убийство словом: Метаморфозы жизнетворчества в прозе Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы: Евгений Водолазкин / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. С. 83—95.
- (*Gorbenko A.* Voskreshenie i ubiystvo slovom: Metamorfozy zhiznetvorchestva v proze Evgeniya Vodolazkina // Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury: Evgeniy Vodolazkin / Ed. by A. Skotnicka i Ja. Svezhiy. Kraków, 2019. P. 83—95.)
- [Горбенко, Чекушин 2019] — *Горбенко А.Ю., Чекушин В.В.* Гражданин, граф, Григорий: А.Н. Толстой в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 5—11.
- (*Gorbenko A.Ju., Chekushin V.V.* Grazhdanin, graf, Grigoriy: A.N. Tolstoy v romane A.P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starые stupeni" // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. No. 443. P. 5—11.)
- [Горячева 2007] — *Горячева М.О.* Работаю с А.П. Чудаковым // Чеховиана. Из века XX в XXI. Итоги и ожидания / Отв. ред. А.П. Чудаков. М.: Наука, 2007. С. 599—616.
- (*Gorjacheva M.O.* Rabotayu s A.P. Chudakovym // Chehoviana. Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniya // Chehoviana. Iz veka XX v XXI. Itogi i ozhidaniya / Ed. by A.P. Chudakov. Moscow, 2007. P. 599—616.)
- [Горячева 2022] — *Горячева М.О.* Еще раз о библиографии «Чехов в прижизненной критике» // Мир исследователя: З.С. Паперный. А.П. Чудаков / Отв. ред. Л.Е. Бушканец, науч. ред. М.М. Одесская. М.: РГГУ, 2022. С. 137—143.
- (*Gorjacheva M.O.* Eshhe raz o bibliografii "Chehov v prizhiznennoy kritike" // Mir issledovatelya: Z.S. Papernyj. A.P. Chudakov / Ed. by L.E. Bushkanec, M.M. Odesskaya. Moscow, 2022. P. 137—143.)
- [Долнин 2005] — *Долнин А.* Памяти А.П. Чудакова // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 202—204.
- (*Dolinin A.* Pamyati A.P. Chudakova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. No. 75. P. 202—204.)
- [Дубин 2006] — *Дубин Б.* Автор как проблема и травма: стратегии смыслопроизводства в переводах и интерпретациях М.Л. Гаспарова // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 300—309.
- (*Dubin B.* Avtor kak problema i travma: strategii smysloproizvodstva v perevodakh i interpre-
- tatsiyakh M.L. Gasparova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 82. P. 300—309.)
- [Елисеев 2002] — *Елисеев Н.* Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени // Новая русская книга. 2002. № 1 (<https://magazines.gorky.media/nrk/2002/1/aleksandr-chudakov-lozhitsya-mгла-na-starые-stupeni.html> (дата обращения: 04.04.2023)).
- (*Eliseev N.* Aleksandr Chudakov. Lozhitsya mгла na starые stupeni // Novaya russkaya kniga. 2002. No. 1 (<https://magazines.gorky.media/nrk/2002/1/aleksandr-chudakov-lozhitsya-mгла-na-starые-stupeni.html> (accessed: 04.04.2023)).
- [Жаккар 2011] — *Жаккар Ж.-Ф.* Литература напоказ: от модернизма к классикам // Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 11—36.
- (*Jacquard Zh.-F.* Literatura napokaz: ot modernizma k klassikam // Zhakkar Zh.-F. Literatura kak takovaya. Ot Nabokova k Pushkinu: izbrannyye raboty o russkoy slovesnosti. Moscow, 2011. P. 11—36. — In Russ.)
- [Жолковский 2002] — *Жолковский А.К.* Антонов огонь // Новая русская книга. 2002. № 2 (13) (<http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/zholk.html> (дата обращения: 31.01.2023)).
- (*Zholkovskiy A.K.* Antonov ogon' // Novaya russkaya kniga. 2002. No. 2 (13) (<http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/zholk.html> (accessed: 31.01.2023)).
- [Зорин 2006] — *Зорин А.* Распределение ролей // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 296—299.
- (*Zorin A.* Raspredelenie roley // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 82. P. 296—299.)
- [Зусева-Озкан 2014] — *Зусева-Озкан В.Б.* Историческая поэтика метаромана. М.: Intrada, 2014.
- (*Zuseva-Ozkan V.B.* Istoricheskaya poetika metaromana. Moscow, 2014.)
- [Ладохина 2010] — *Ладохина О.Ф.* Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века? М.: Водолей, 2010.
- (*Ladohina O.F.* Filologicheskij roman: fantom ili real'nost' russkoy literatury XX veka? Moscow, 2010.)
- [Лапушин 2009] — *Лапушин Р.* «Живая свежесть» (К поэтике романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени») // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII—XIII—XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы / Ред. Е.А. Исидес. М.: Водолей, 2009. С. 381—399.

- (Lapushin R. "Zhivaya svezhest'" (K poetike romana-idillii A.P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni") // Tnyanovskiy sbornik. Iss. 13: XII—XIII—XIV Tnyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy / Ed. by E.A. Toddes. Moscow, 2009. P. 381—399.)
- [Липовецкий 2008] — Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (Lipoveckij M. Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920—2000-kh godov. Moscow, 2008.)
- [Лотман 1995] — Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 393—471.
- (Lotman Ju.M. Roman v stikhakh Pushkina "Evgeniy Onegin". Speckurs. Vvodnye leksii v izuchenie teksta // Lotman Ju.M. Pushkin. Saint Petersburg, 1995. P. 393—471.)
- [Манхейм 1994] — Манхейм К. Консервативная мысль / Пер. с нем. и англ. А.И. Миллера, Т.И. Студеникиной // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 572—668.
- (Mannheim K. Das konservative Denken // Mannheim K. Diagnostik unseres Zeitalters. Moscow, 1994. P. 572—668. — In Russ.)
- [Морозова 2022] — Морозова К.С. Два Антона А.П. Чудакова: роман-идиллия «Ложится мгла на старые ступени» в контексте биографии А.П. Чехова // Мир исследователя: З.С. Паперный. А.П. Чудаков / Отв. ред. Л.Е. Бушканец, науч. ред. М.М. Одесская. М.: РГГУ, 2022. С. 186—199.
- (Morozova K.S. Dva Antona A.P. Chudakova: roman-idilliya "Lozhitsya mгла na starye stupeni" v kontekste biografii A.P. Chekhova // Mir issledovatelya: Z.S. Papernyj. A.P. Chudakov / Ed. by L.E. Bushkanec, M.M. Odesskaya. Moscow, 2022. P. 186—199.)
- [Немзер 2002] — Немзер А. Как сохранилась Россия // Отечественные записки. 2002. № 1. С. 244—245.
- (Nemzer A. Kak sokhranilas' Rossiya // Otechestvennye zapiski. 2002. No. 1. P. 244—245.)
- [Немзер 2003] — Немзер А.С. Как Булгарин не вышел в гении, а Пушкин послужил социологии литературы // Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. М.: Захаров, 2003. С. 509—511.
- (Nemzer A.S. Kak Bulgarin ne vyshel v genii, a Pushkin posluzhil sotsiologii literatury // Nemzer A.S. Zamechatel'noe desyatiletie russkoy literatury. Moscow, 2003. P. 509—511.)
- [Немзер 2005] — Немзер А. Мир Чудакова // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 230—238.
- (Nemzer A. Mir Chudakova // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. No. 75. P. 230—238.)
- [Новиков 1999] — Новиков В. Филологический роман. Старый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 193—205.
- (Novikov V. Filologicheskij roman. Staryy zhanr na iskhode stoletiya // Novyy mir. 1999. No. 10. P. 193—205.)
- [Новиков 2007] — Новиков В.И. Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии // Новиков В.И. Роман с литературой. М.: Intrada, 2007. С. 169—185.
- (Novikov V.I. Nos habebit humus. Rekvium po filologicheskoy poezii // Novikov V.I. Roman s literaturoy. Moscow, 2007. P. 169—185.)
- [Паперный 2005] — Паперный В. В поисках утраченного // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 209—213.
- (Papernyj V. V poiskakh utrachennogo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. No. 75. P. 209—213.)
- [Пиксанов 1928] — Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
- (Piksanov N.K. Oblastnye kul'turnye gnezda: Istoriko-kraevednyy seminar. Moscow; Leningrad, 1928.)
- [Плавинская, Кукулин 2004] — Плавинская Е., Кукулин И. Проза художников как эстетическая проблема // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 253—254.
- (Plavinskaja E., Kukulin I. Proza khudozhnikov kak esteticheskaya problema // Novoe literaturnoe obozrenie. 2004. No. 65. P. 253—254.)
- [Полупанова 2019] — Полупанова А.В. Черты поэтики филологической прозы в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 347—350.
- (Polupanova A.V. Cherty poetiki filologicheskoy prozy v romane A.P. Chudakova "Lozhitsya mгла na starye stupeni" // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 347—350.)
- [Рейтблат 2001] — Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении (О литературной репутации Пушкина) // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51—69.
- (Rejtblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii (O literaturnoy reputatsii Pushkina) // Rejtblat A.I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi. Moscow, 2001. P. 51—69.)

- [Степанов 2009] — *Степанов А.* Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII—XIII—XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы / Ред. Е.А. Тоддес. М.: Водолей, 2009. С. 400—411.
- (*Stepanov A.* Idilliya vs. progress: zametki o proze A. Chudakova // *Tynyanovskiy sbornik*. Iss. 13: XII—XIII—XIV Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy / Ed. by E.A. Toddess. Moscow, 2009. P. 400—411.)
- [Тодд 2020] — *Тодд У.М.* «Евгений Онегин». Роман жизни // Тодд У.М. Социология литературы: институты, идеология, нарратив / Пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 67—113.
- (*Todd W.M.* Eugene Onegin: "Life's Novel" // *Todd U.M.* Sotsiologiya literatury: instituty, ideologiya, narativ. Saint Petersburg, 2020. P. 67—113. — In Russ.)
- [Уайт 2022] — *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- (*White H.* The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. — In Russ.)
- [Чудаков 1971] — *Чудаков А.П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971.
- (*Chudakov A.P.* Poetika Chekhova. Moscow, 1971.)
- [Чудаков 1990] — *Чудаков А.П.* Единство видения: письма Чехова и его проза // Динамическая поэтика: от замысла к воплощению / Отв. ред. З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая. М.: Наука, 1990. С. 220—244.
- (*Chudakov A.P.* Edinstvo videniya: pis'ma Chekhova i ego proza // *Dinamicheskaya poetika: ot zamysla k voploshheniyu* / Ed. by Z.S. Papernyj, Ye.A. Polockaja. Moscow, 1990. P. 220—244.)
- [Чудаков 2004] — *Чудаков А.П.* Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение // *Analysieren als Deuten*. Wolf Schmid zum 60 / Ed. by L. Lazar Fleishman, Christine Götz, Aage A. Hansen-Löve. Geburtstag. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. S. 277—298.
- (*Chudakov A.P.* Medlennoe chtenie "Evgeniya Onegina" kak kurs vvedeniya v literaturovedenie // *Analysieren als Deuten*. Wolf Schmid zum 60 / Ed. by L. Lazar Fleishman, Christine Götz, Aage A. Hansen-Löve. Geburtstag. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. S. 277—298.)
- [Чудаков 2005] — *Чудаков А.П.* К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник / Сост. И. Лоцилов, И. Сураг. М.: Три квадрата, 2005. С. 210—237.
- (*Chudakov A.P.* K probleme total'nogo kommentariya "Evgeniya Onegina" // *Pushkinskiy sbornik* / Comp. by I. Loshchilov, I. Surat. Moscow, 2005. P. 210—237.)
- [Чумаков 2005] — *Чумаков Ю.Н.* Воспоминания и размышления об Александре Чудакове // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 225—229.
- (*Chumakov Ju.N.* Vospominaniya i razmyshleniya ob Aleksandre Chudakove // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2005. No. 75. P. 225—229.)
- [Шмид 2008] — *Шмид В.* Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- (*Shmid V.* Narratologiya. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2008.)
- [Шмид 2017] — *Шмид В.* Способы изображения сознания в художественной прозе // *Narratorium*. 2017. № 1 (10) (<http://narratorium.rggi.ru/article.html?id=2637242> (дата обращения: 31.01.2023)).
- (*Shmid V.* Sposoby izobrazheniya soznaniya v khudozhestvennoy proze // *Narratorium*. 2017. No. 1 (10) (<http://narratorium.rggi.ru/article.html?id=2637242> (accessed: 31.01.2023)).
- [Эткинд 2016] — *Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (*Jetkind A.* Warped Mouring. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Moscow, 2016. — In Russ.)
- [Ярхо 2006] — *Ярхо Б.И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков и М.И. Шапир; под общ. ред. М.И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 3—400 (2-й пагинации).
- (*Jarho B.I.* Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannyye trudy po teorii literatury / Prep. by M.V. Akimova, I.A. Pil'shchikov and M.I. Shapir; ed. by M.I. Shapir. Moscow, 2006. P. 3—400 (2nd paginatsii).)
- [Balina 2018] — *Balina M.* (Auto)Biographical prose // *Russian Literature since 1991* / Ed. by E. Dobrenko and M. Lipovetsky. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 188—206.
- [Cohn 1978] — *Cohn D.* Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- [Morson 1986] — *Morson G.S.* Introduction: Literary History and the Russian Experience // *Literature and History: Theoretical Problems and Russian Case Studies* / Ed. by G.S. Morson. Stanford, California: Stanford University Press, 1986. P. 1—30.